

УДК 94(571.5)(092)
<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2026.56.99>

«Кулацкая ссылка» в жизни и судьбе одной семьи (по воспоминаниям Л. П. Файзрахмановой)

Л. В. Занданова, Я. В. Кулакова*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Исследуются стратегии выживания крестьян в годы коллективизации и раскулачивания в СССР. На основе источника личного происхождения – записей Лидии Петровны Файзрахмановой, родившейся в 1926 г. в Киренском районе Иркутской области, семья которой была репрессирована и на протяжении многих лет проживала в спецпоселениях, организованных на реках Маме и Витим, воссоздается жизненный путь одной семьи на фоне масштабных событий, происходивших в Советском Союзе (коллективизация, индустриализация, Великая Отечественная война и др.). Сделан вывод, что свидетельства очевидцев этих событий являются важным дополнением «официальной» истории, в том числе подтверждают насильственный характер модернизационных процессов, развернувшихся в стране в конце 1920-х – 1930-е гг.

Ключевые слова: коллективизация, раскулачивание, Восточная Сибирь, кулацкая ссылка, спецпереселенцы.

Для цитирования: Занданова Л. В., Кулакова Я. В. «Кулацкая ссылка» в жизни и судьбе одной семьи (по воспоминаниям Л. П. Файзрахмановой) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2026. Т. 56. С. 99–110. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2026.56.99>

Original article

“The Kulak Link” in the Life and Fate of one Family (Based on the Memoirs of L. P. Faizrakhmanova)

L. V. Zandanova, Ya. V. Kulakova*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The study demonstrates the strategies of peasant survival during the years of collectivization and dekulakization in the USSR. The work is based on a personal source, the diary of Lidia Petrovna Fayzrakhmanova, who was born in 1926 in the Kirensky District of the Irkutsk Region. Her family was repressed and spent many years in special settlements located on the Mama and Vitim rivers. The author's memoirs provide an opportunity to reconstruct the life journey of a family against the backdrop of the large-scale events that took place in the Soviet Union (collectivization, industrialization, the Great Patriotic War, etc.). The eyewitness accounts of these events are an important addition to the “official” history, including the confirmation of the forced nature of the modernization processes that unfolded in the country in the late 1920s and 1930s.

Keywords: collectivization, dekulakization, Eastern Siberia, kulak exile, special settlers.

For citation: Zandanova L.V., Kulakova Ya.V. "The Kulak Link" in the Life and Fate of one Family (Based on the Memoirs of L. P. Faizrahmanova). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2026, vol. 56, pp. 99-110. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2026.56.99> (in Russian)

Репрессии в отношении крестьянства в период коллективизации и «раскулачивания» начиная с конца 1980-х гг. вызывают особый интерес в обществе, что, безусловно, связано с процессом реабилитации невинно пострадавших семей, в том числе детей¹. По этому вопросу на сегодняшний день опубликован значительный комплекс архивных источников. Одним из первых, в который вошли ранее секретные материалы, стал сборник «Документы свидетельствуют...»². Наиболее полно документы этого периода из федеральных архивов представлены в 5-томном сборнике «Трагедия советской деревни»³. Эти сборники содержат рассекреченные источники, объективно освещающие положение в деревне, что позволило историкам начать воссоздание картины событий, происходивших в деревне в 1930-е гг. Так, на общесоюзном материале были проведены исследования Н. А. Ивницким, И. Е. Зелениным, В. Н. Земсковым и др. [1–3; 7]. На локальном, сибирском, уровне эти процессы изучили С. А. Красильников и С. А. Папков [4–6]. Однако считать, что данная тема уже достаточно исследована, на наш взгляд, необъективно. Как справедливо отмечает А. К. Соколов, «сегодня становится очевидным, что исторические исследования, проводимые в рамках социальной истории, в центре внимания которой оказывается человек, а сама история разворачивается не сверху, через восприятие “сильных мира сего”... а как бы “снизу” и “изнутри”, невозможно осуществить без включения в научный оборот свидетельств очевидцев, как невозможно понять и прочувствовать всю трагедию репрессированного населения страны. Совершенно иное значение приобретают источники личного происхождения: мемуары, дневники, письма и т. д., то, что исходит непосредственно от человека, от его действий, поступков, мыслей и чувств» [7, с. 85].

Источником, позволяющим получить представление о жизни обычных людей во время «раскулачивания», узнать, какими были формы их бытия, отношения с властными структурами, понять их мысли, чувства и заботы, для нас явились воспоминания⁴ Л. П. Файзрахмановой, 1926 г. р. (Киренский район Иркутской области), которая, еще будучи ребенком, оказалась непосредственной жертвой политики государства по отношению к зажиточным крестьянским семьям. Трагизм ситуации повлиял на глубину восприятия ею всех событий и эмоциональных переживаний, которые она пронесла через всю жизнь.

¹ О реабилитации жертв политических репрессий : закон РФ от 18 окт. 1991 г. // Гарант : справочная правовая система. URL: <https://base.garant.ru/10105390/> (дата обращения 10.10.2025).

² Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 / под ред. В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого. М. : Политиздат, 1989. 526 с.

³ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М. : РОССПЭН, 2000. 927 с. ; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 3. Конец 1930–1933 / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М. : РОССПЭН, 2001. 1006 с.

⁴ Орфография и пунктуация документа соответствуют современным требованиям, стилистика сохранена.

Время проведения сплошной коллективизации и так называемой ликвидации кулачества как класса – один из самых драматических этапов в истории советского крестьянства, в том числе и сибирского. 27 ноября 1929 г. на конференции аграрников-марксистов И. В. Сталин сказал: «...мы перешли в последнее время от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса»⁵, – и поставил задачу развертывания сплошной коллективизации в качестве первоочередной. Вслед за этой речью последовал в буквальном смысле поток постановлений, направленных на решение данной задачи. Уже 5 января 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», которое предусматривало форсирование коллективизации и «раскулачивания»⁶. 30 января Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило еще одно постановление – «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», положенное в основу деления крестьянских семей на категории⁷. Вслед за ним вышло в свет постановление ЦИК и СНК от 1 февраля «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством»⁸. Именно оно стало основанием для выселения семей в административном порядке с места проживания в связи с «раскулачиванием» хозяйств, что позднее было указано в справке об их реабилитации. Это единственное постановление того периода, опубликованное в газете «Известия» и вошедшее в Собрание законов.

Четких критериев категории «кулак» к этому времени выработано не было. В сибирской деревне существовало понятие «зажиточный крестьянин». Основная масса «кулацких элементов» была отнесена ко второй категории, ее рекомендовалось выселить внутри края с конфискацией имущества и инвентаря.

Человеческая драма постигла десятки тысяч человек. Сотни обозов с крестьянскими семьями, в числе которых было большое количество стариков, детей, инвалидов, с остатками домашнего скарба, часто в сопровождении вооруженного конвоя, двинулись к местам их новой дислокации – в тайгу. Особенностью Сибирского края было то, что раскулаченных расселяли внутри него. По данным архивных документов, в 1930–1931 гг. внутри Восточной Сибири в «кулацкую ссылку» было отправлено 16 068 семей [2, с. 18].

Спецпереселенцев в Восточной Сибири, согласно директиве ОГПУ, следовало максимально использовать в лесной, угольной, золотодобываю-

⁵ Сталин И. В. Сочинения. В 13 т. Т. 12. Апрель 1929 – июнь 1930. М., 1949. С. 169.

⁶ О темпе коллективизации и мерах помощи колхозному строительству: постановление ЦК ВКП(б) от 5 янв. 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. С. 85.

⁷ Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. С. 126.

⁸ О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством: постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февр. 1930 г. // Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940. В 2 кн. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2005. С. 50.

щей, слюдяной промышленности, рыбных и иных промыслах, решая одновременно и проблему заселения и освоения отдаленных территорий. В Приангарье местами ссылки местных кулаков были определены районы к северу от г. Иркутска, по берегам р. Ангары и ее притоков (Братский район), побережья рек Чуны, Мамы и Витим. Как свидетельствуют источники, только в апреле 1930 г. было выселено в северные районы 298 семей, в их составе было 1397 чел. (23 % от плана) [5, с. 320]. Лишь 2837 семей, которые не были пригодны для тяжелых работ, были объединены в неуставные сельхозартели. В Иркутской области на 1 января 1940 г. в трудовых поселках, которые стали организовывать с 1933 г. в местах использования «трудпоселенцев», находилось 8053 семьи (30 014 чел.) [6, с. 80]. Это было не абстрактное «кулачество как класс», а семьи как таковые, объединявшие несколько поколений, «носители кулацкой идеологии», которые нужно было подвергнуть репрессии.

Воспоминания бывших спецпоселенцев, высланных внутри края в первый год «кулацкой ссылки», очень похожи и содержат массу мельчайших подробностей о жизни в то трагическое время: как, придя в тайгу, строили шалаши, рыли землянки, крыли их бревнами, сооружали нары и очаги. Постепенно заготавливали лес, рубили избы, в которых размещалось по несколько семей. Так образовывались поселки, а при них – комендатуры, поэтому «спецконтингент» был на постоянном учете и уход из поселений был строго запрещен.

«Страницы жизни» – так назвала свои воспоминания Лидия Петровна Файзрахманова. Они уместились в школьной тетрадке, которую после ее ухода из жизни передал нам ее сын. Воспоминания посвящены сыновьям – Василию и Владимиру, и сестрам – Людмиле и Анне совершенно неслучайно, как и то, что начинаются они словами: *«Историческая память – это “заветы старины”, “предания отцов”, чувство единородства, т. е. ощущение своей приобщенности к своему роду, к Родине. Нам, людям старшего возраста, нужно обязательно знать тех, кто готовится на наше место».*

Сначала, как и положено, автор рассказывает о своей родословной: *«Я родилась на р. Лене, в деревне Скобельской Киренского района Иркутской области. Бабушка по отцу была из рода Хорошевых. Мама из другой деревни – Рыковой (сейчас она называется Усть-Киренга), и девичья фамилия ее была тоже Рыкова».*

Раскулачивание разделило жизнь семьи на «до» и «после». Несмотря на то что Лидии было всего пять лет, она очень отчетливо запомнила многие детали из той жизни, даже начертила план дома, в котором они жили. Много о прошлом семьи отложилось в памяти благодаря рассказам матери и бабушки: *«Дед (по отцу. – Л. З., Я. К.) – Ярыгин Иван Владимирович – служил в парходстве Громоных. Дед умер, когда моему отцу было всего 13 лет, он учился в Киренске, в гимназии, окончил 5 классов. После смерти отца оставил учебу и стал помогать матери в хозяйстве. В 17–18 лет он построил новый дом. ...Нанимали рабочих, организовывали “помочь”, как это обычно делалось в деревнях. Дом большой – на две половины-избы. Парадный двор был большой... Двухэтажные амбары, по три или четыре кла-*

довые. ...В нижних амбарах хранились мука, зерно, фураж для скота, мясные изделия. В верхних амбарах – тканые половики, скатерти, одежда: тулупы, шубы, дохи, а также хомуты и сбруи.

За домом шел картофельный огород... Берег был высокий, и в косогоре стояла баня. В хозяйстве были 1–2 коровы, 2 лошади...».

Автор разделила текст на части. Чтобы читателям было понятно, откуда корни семьи и кто кому кем приходится, Лидия подробно рассказывает о своих предках по отцовской линии. Именно из этой части становится известно о том, что бабушка, которую звали Пелагея, с детства была приучена к труду, на ней держалось все хозяйство, поскольку муж чаще всего был в рейсах. В дальнейшем это сыграло огромную роль в том, что семья, оказавшись в экстремальных условиях, выжила. *«Бабушка, – писала Лидия Петровна, – славилась в деревне как портниха, обшивала чуть ли не всю деревню, ей за это обещали отработать. Поэтому, несмотря на то что хозяйство считалось “средне-средняцкое”, по словам бабушки, при раскулачивании было указано: пользовалась наемной рабочей силой».*

В следующей части идет рассказ о родителях, их знакомстве и свадьбе в 1925 г. Поскольку мать была из крепкой казачьей семьи, у нее было большое приданое, которое готовили заранее. Через год после свадьбы родилась автор воспоминаний, позже – вторая дочь – Анна.

Когда началась коллективизация, в их доме разместили ссыльных, они советовали отцу переехать в город, *«предрекая, что могут раскулачить. Но бабушка не верила и не могла расстаться со всем, что имела: хозяйством, домом, пашней. К тому же все было нажито своим горбом. Отец все-таки решил поехать до Якутска, присмотреться, узнать все получше, а может, и найти хорошее место и переехать».*

Основная часть воспоминаний связана с раскулачиванием и ссылкой, которая произошла весной 1931 г. Несмотря на существование директив о запрещении ссылать семьи без трудоспособных мужчин [2, с. 9], *«...выслали без отца, главой семьи была бабушка. Брать с собой ничего не разрешали лишнего, только продукты и необходимое из вещей: одежду, постель. Все брали мешки с мукой по 1–2, туески и кадочки с соленой рыбой, мясом. Были взяты два сундука с одеждой и постель. Везли на своих же лошадях до д. Макаровой в 5 км выше по реке. Долго сидели на берегу, ждали парохода с баржой. ...Ночами убегали иногда по берегу до своей деревни, еще посмотреть на оставленное хозяйство... Наконец, причалил пароход с баржами, погрузили и повезли вниз, потом по р. Витим. Высадили на пустой берег в глухую тайгу, где стояло одно зимовье на мысу в устье р. Мама (в этом месте р. Мама впадает в р. Витим. – Л. З., Я. К.). В зимовье поместили всех больных. Лежали все на полу, и мы с Аней лежали, болели корью. Сказали, чтобы строили балаганы себе пока, а потом на зиму землянки. Все взрослые уходили в лес, драли корье и готовили колья, строили такие балаганы, крыли их корьем, поэтому все их звали “корьюшками”. А внутри были сплошные нары. Каждая семья отгораживалась половиками. Много было построено корьюшек, а народу еще подвозили. Помню: приходили взрослые из тайги и*

кидались в реку с хохотом, шумом, всем же было по 20–30 лет. Были и старики, они оставались с детьми».

Позже стали распределять, кого куда – одних вверх по Маме, других – вверх по Витиму, в глухую тайгу, на пустой берег. Семьи, в которых не было мужчин или были старые и больные, в том числе и семью Ярыгиных, отправили в пос. Воронцовка. Раньше там был затон, стояли готовые бараки, в один из которых их поселили вместе с другими семьями: *«Всех определили на работу в колхоз... Бабушка в поле на посадке, прополке, а мама была то на сенокосе, то на заготовке дров.*

В 33–34-м годах был страшный голод, давали все по карточкам, огородов своих никто не имел первые года. Выручала нас бабушка. Зимой с санками она отправлялась пешком по Витиму вверх на 5-ое или 6-ое зимовье. Брала с собой какую-нибудь вещь и меняла у зимовщиков на продукты... Она у них побелит, поможет в хозяйстве, и ей дадут с собой что-нибудь. Привозила хлеба мороженого или сухарями, муки, мороженой картошки и, конечно, мясо дичи. На санках 30 км много ли увезешь пешком. Зимовья стояли через 25–30–40 км по Витиму – возили почту зимой на лошадях раньше. Нас с Аней оставляли на попечение Фисы Хорошевой (соседской девочки. – Л. З., Я. К.)».

Отец Лидии, живя в Якутске, узнал, что семью раскулачили и выслали. Ему даже удалось отправить им посылку: *«Там была мука, масло топленое, конфеты и четыре платка ситцевых. Платки красивые... бабушка тоже обменяла их на продукты».*

Следует отметить, что в это время стали освобождать из ссылки «незаконно раскулаченных». Петр Иванович поехал в Киренск и сумел получить документы, подтверждающие ошибочность раскулачивания его семьи. Он отправил их по почте, а сам, решив забрать семью из места вселения, устроился штурвальным на пароход «Коммунист». *«Когда стало известно о прибытии парохода, – вспоминала Лидия, – вся семья пошла его встречать, но на пристань нас не пустили, так как она находилась вне комендантской зоны поселка. Комендант сказал отцу, что если он останется ночевать, то будет числен к семье. Что оставалось делать ему? Он нас два-три года не видел и решил сдаться. Так он остался с нами и был тоже в числе раскулаченных».*

Поскольку отец Лидии был грамотным по тому времени человеком, его устроили на работу и переселили к вольным, в хорошую квартиру. Через год у них родилась еще одна девочка, Нина: *«Мы прожили в Воронцовке три года. Мне уже было 8,5 года, а я еще не училась».*

В 1934 г. семью Ярыгиных отправили в пос. Мама, где началась добыча слюды и уже жили вольнонаемные – так называемая База, а их поселок вначале назывался «лагерь спецпереселенцев». Петра Ивановича «назначили на катер», который обеспечивал сообщение со всеми поселениями, а зимой он работал на стройке, поэтому их сразу поселили в барак. Но положение спецпереселенцев, которых к этому времени переименовали в «трудпоселенцев», нисколько не изменилось: *«Каждый день нужно было у “исполнителей” вечером отмечаться, а они уже докладывали коменданту. По субботам или воскресеньям комендант сам проходил по баракам с милиционером, проверял*

порядок, чистоту и проитрафившихся назначал мыть комендатуру. Нашей бабушке приходилось не раз, а за то, что вступила с комендантом в пререкания, он посадил ее в “каталажку” (землянку во дворе. – Л. З., Я. К.) на 3 дня. Наше поселение первые годы, когда комендантом был... (указана фамилия. – Л. З., Я. К.), – это не что иное, как ГУЛАГ, только без замков и конвоя. Зачем конвой, когда все жили без документов и в страхе. А молодежь рвалась к свободе, к знаниям. Хотя и стали разрешать после окончания 4 класса учиться в средней школе, и многим разрешили работать по специальностям на Базе». В конце 1936 г. было принято «не подлежащее оглашению» постановление, по которому детям трудпоселенцев давалась возможность поступать в средние и высшие учебные заведения [5, с. 307]. Как вспоминала Лидия Петровна, «но все равно это не было отдушиной, документов же не было ни у кого. И молодежь начала бежать ночами по Витиму на лодке до р. Лены. А там нанимались рабочими на пароходы и как-то многие, да почти все из бежавших, не возвращались, кроме Кармановой Марии».

Бежать Марии помог отец Лидии, он дал ей лодку, на которой она с подругами доплыла до Пеледуй, оставив на берегу свою одежду и записку о том, что они решили утопиться. В Пеледуйе Мария удачно вышла замуж: «Она не вытерпела одна своего счастья и написала письмо матери с отцом. А почту... всю проверяли, просматривали. Комендант выслал за ней в Пеледуй двух милиционеров. Она была уже в положении. Ее без суда и следствия сразу забрали и провезли в Бодайбинскую тюрьму. Через год она вернулась в поселок, родила дочь в тюрьме, и ее освободили для продолжения отбывать поселение на Маме. В каких условиях мы жили первые года, кроме как ГУЛАГ не назовешь, если девушки скромные, тихие решались плыть ночью темной по Витиму до Лены двое суток!» Следует отметить, что побег были наиболее массовыми деяниями, приводившими к уголовной ответственности.

Во второй половине 1930-х гг. тем, кто хорошо трудился, стали выдавать паспорта, что, собственно, ничего не изменило в их жизни, были введены поощрения, например путевки в санаторий. В это время многим стало понятно, что вряд ли они смогут вернуться в родные села: «Стали благоустраивать поселок, организовывать места отдыха – стадион, парк, где собиралась вся молодежь после работы, ну и мы, подростки и шпана, и много приходило людей постарше отдохнуть и посидеть. У многих большое впечатление в жизни оставили эти места. Это место встреч влюбленных, место отдыха для всех».

Дальше идет рассказ о том, как Лидия училась в школе: «Как только мы приехали с Воронцовки, я пошла учиться. Мне было почти 9 лет. Училась я хорошо. Мои тетради показывали в старших классах. После окончания 3-го класса мне сказали, что я хорошо закончила 3-й класс и что завтра вечером в клубе будет собрание с родителями. Лучшие ученики должны сесть на первую скамейку, будут премировать. На завтра приходим в клуб, я сажусь на первую скамейку со всеми. Всем выдают подарки – премии – “Мойдодыр” (очевидно, книгу К. Чуковского. – Л. З., Я. К.), кому тетради и карандаши. А мне ничего. Так закончилось собрание. Вот какое было недоверие и как

могли издеваться над учителем (который посчитал ее достойной премии. – Л. З., Я. К.), так как он был из спецпереселенцев, я уж не говорю о себе».

Однако постепенно партия и правительство все больше внимания стали обращать на школьников и молодежь, их воспитание, направленное на отрыв от «родительской кулацкой идеологии». Постановление о школах в трудпоселках фактически санкционировало создание пионерских и комсомольских организаций, о чем пишет и автор воспоминаний: *«После 4-го класса меня отправили в пионерский лагерь на Тетеренске. Создавалась пионерская организация. Меня принимали в первой партии из 9 человек самых лучших. Мы ходили строем, в пионерских галстуках, отдавали салют друг другу вместо приветствия».*

Лидия вспоминала о повседневной жизни так: *«...мы часто меняли место жительства на поселке, пока отец не построил свой дом (для закрепления рабочей силы в местах использования изначально разрешалось строить жилье на собственные средства и приобретать имущество. – Л. З., Я. К.). ...Самым запоминающимся местом жительства после Воронцовки было поселение в первом бараке возле школы. Там было пять комнат... В каждой комнате проживало по 6–7–8 человек. Если семья из 4–5 человек, то подсаживали еще семью...»* Далее она перечислила всех своих соседей, помнила, сколько человек, в том числе детей, было в каждой из них: *«Поэтому мы в основном росли на улице зимой и летом. Нас, ребятшек, в бараке было 12, все от 5 до 12 лет. Приходили домой только поесть да спать. Но зимой вечера длинные, чтобы мы не толкались в коридоре у плиты, где все женщины готовили ужин, нас часто забирала к себе бабушка Черных. Она была настоящая сказительница. Она рассказывала нам сказки про “Змея Горыныча”, “Аленький цветочек” и многие другие. Иногда зимой после ужина старик Конторских выходил в коридор с балалайкой и начинал играть. Выходили все из комнат и было сплошное веселье, пели, плясали. Иногда после ужина в своей комнате начинала петь украинские песни семья Валенкевич. Мы все заслушивались, и взрослые тоже, стояла в бараке такая тишина, боялись помешать им. В общем жили очень дружно, не унывали. Я не помню ни одного скандала при такой скученности в жилье. Это были 1934–35 года».*

В 1937 г. Лидии Ярыгиной было всего 11 лет, но, очевидно, в ссылке произошло ее раннее взросление и понимание происходящего вокруг. Глубоко в ее память врезались события, связанные с репрессиями «врагов народа». *«Однажды, – пишет Лидия, – наверное, в апреле или марте месяце... взяла ведра и пошла по воде. Набрала воды, распрямилась и вижу черную колышающуюся тучу по снегу, где-то уже в устье Мамаы. Сначала не поняла, был какой-то сказочный испуг, вроде “Змея Горыныча” из бабушкиной сказки движется. Людей-то еще нельзя было разглядеть, а какая-то сплошная черная масса колыхается и приближается. Стали на речку подбегать женщины, дети, и все шепчут: “Вон ведут, ведут, ой да как много, сколько ж их!” Эта туча стала приближаться, женщины стали всхлипать, и я поняла, что гонят арестованных, пешком до Бодайбо, за 120 км. Когда поравнялись, сколько было крику баб, ребятшек! Кричали: “Тятя, тятя, род-*

ленький...”, совали свертки, кидались на строй шедших. Но конвой... отбрасывал всех. Женщины, ребяташки падали, свертки валялись – хлеб, шаньги, пироги. Шеренга шириной была человек 10 и очень длинная. Наверное, было не менее 500 человек.

Да сколько пережили все в это время! Ночами не спали, все прислушивались. Приходили забирать обычно ночью, часа в два. Однажды в соседней землянке ночью услышали страшный крик. Пришли забирать Кузакова Алексея, а он, недолго думая, полоснул себя по горлу бритвой. Его увезли в больницу и, когда поправился, сразу же забрали. С другой стороны, у соседей, бабка Куклина ревет на чем свет стоит ночью. ... У нее забрали сразу троих мужиков – старика и двух сыновей. Работать в забое стало некому, и оставшихся мужиков отправили по рудникам в забои. Отправили осенью, после навигации, и нашего отца на рудник Согдиондон. А добыча слюды в шахтах была примитивная, в забоях скапливалась каменная и слюдяная пыль. Бурильщики... получали профессиональное заболевание – “силикоз”. ...Получил и наш отец. Он часто лежал в больнице, признавали туберкулез. Это были 1937–1938 годы. Нас переселили в интернат (был организован на поселке для старшеклассников из спецпоселенцев с рудников). Но семьи-то оголились, отцов, мужей забрали, и дети, которые учились в старших классах, побросали учебу и пошли работать. Интернат мгновенно распался, и там организовали детский дом. Осталось много детей сиротами и полусиротами». В детском доме, где работала ее мама, Лидия познакомилась с будущим мужем – Мансуром.

О конце 1930-х гг. Лидия Петровна пишет так: «Жить стало свободней, сменился зверь-комендант, новый был добрее, проще. Производство “Мамслюда” развивалось. Было завезено много тракторов и грузовых машин. Зимой они перевозили груза, прицепляли большие сани по р. Маме и Витиму по рудникам. Но часто тонули, проваливались под лед. Была организована спасательная бригада по подъему затонувших тракторов. Бригадиром был назначен наш отец. Всю зиму они жили на р. Чукче. Вот там в свободное время – вечерами отец стал строить дом. Комендант разрешил, и отец взял ссуду в сельсовете. В то время шло большое строительство на Базе. Мама работала на стройке, поднимали кирпич, глину, колотили дранку для штукатурки. Работала она также в те годы грузчиком на складе ОРСа (отдел рабочего снабжения. – Л. З., Я. К.). На Базу поступало много грузов, строительного материала. Кирпич выжигали на Чукче. А стекло, краску, гвозди надо было покупать, да и кирпич. Чтобы распилить лес на доски для заборок, пола, потолка – нужно было платить, поэтому и взяли ссуду. Было поставлено условие, что, если в определенный срок не выплатит ссуду, значит, дом будет поставлен на баланс поссовета. А к весне в разобранном виде отец привез дом на тракторе на поселок. Стали его строить, слаживать возле магазина на берегу. А нас опять переселили в барак. Мне уже поставили отдельную кровать». Далее идет подробный рассказ о том, какими усилиями был выстроен этот новый дом: «Строили дом втроем – отец, мама и я. Помощников отец не нанимал. Я как старшая в семье из детей шла за парня. После окончания 7-го класса я работала в колхозе, все подростки с

такого возраста начинали подрабатывать. Все, что есть в доме из досок: пол, заборки, подоконники, двери, наличники, потолок, крыша – все мы с мамой рубанком выстрогали. В 1940 г. мы переехали в свой дом. Долго не могли нарадоваться...»

Тем страшнее стали события 1941 г., связанные с войной и наводнением. *«Каждое лето, начиная с 6-го класса, я работала в колхозе, корчевали лес, работала в поле... Приходилось делать все, начиная с посадки... и до сбора урожая. На трудодни давали овощами: капусту, картошку. Вставала в 4 часа и уходила до Тетеринска за 3 км. В 6 часов мы начинали поливать.*

Но вот началась война. Начался призыв в армию. Молодежь рвалась на фронт добровольцами, не всех брали.

В магазинах быстро стало все исчезать, ввели карточки на хлеб... Хлеб бабушка разрезала всем по кусочку строго ограниченно. ...Корчевали лес, сажали много картошки. Бабушка целыми неделями уезжала на лодке за 12 км до Кудимихи или за 30 км до Максимихи. Готовила с ранней весны береговой лук, насолит в кадушке и куля два привезет цельного для продажи. Наловит рыбы, привезет соленой в кадушечке. Потом начинаются грибы и ягоды. И так все лето. Через неделю придет, что можно продать – продаст, отдохнет и опять уезжает на неделю. А моторов не было. Это все старухи на веслах, шестом да бечевой, тянут лодку против течения 12 или 30 км. Одна тянет по берегу, вторая сидит на корме и правит, потом меняются. Бабушка всю жизнь на Маме и в Воронцовке была для семьи кормилицей. Работали как лошади, но зато не голодали... картошки накапывали по 60 кулей. Ягод бабушка много привозила и почти все продавала или меняла на соль, сахар, мыло, растительное масло у начальниковых жен или в общежитии [геолого]разведки».

Следующий раздел Лидия назвала «1943 г. Свобода», потому что в этот год стали брать на фронт и из спецпереселенцев и стали выдавать документы – справки из комендатуры, по которым можно было получить паспорт в г. Бодайбо тем, кому исполнилось 18 лет, а пожилые люди, их родители, могли поехать на родину и по этим справкам получить свидетельства о рождении: *«У нас посылным была бабушка. В 1943 г. ее отправили самолетом в Киренск. Но там загс сгорел, и архив тоже, никаких документов не сохранилось, восстанавливали заново. Ей пришлось ходить по деревням Скабельской и Рыковой и брать подтверждение местных жителей, кто когда родился, т. е. подтверждение в письменном виде слов бабушки. По этим подтверждениям ей на всех в Киренском загсе выписали свидетельства о рождении. И по ним уже получали в Бодайбо паспорта. Но в первых паспортах была указана статья. Когда я поехала поступать в институт, то при оформлении спрашивали, что это за статья, т. е. было клеймо на всю жизнь даже у детей. Первый паспорт я получила по комендатурской справке».* Бабушка привезла из Киренска спрятанные ранее у надежных людей вещи: шубы, посуду и главную семейную ценность – швейную машинку.

«Летом 1943 г. был большой набор на фронт. Брали 18-летних и старше, с 1906 г. и моложе, кого еще не призывали, отца не призывали, но впервые брали из спецпереселенцев. В это лето отец меня устроил на работу в

мамскую столовую калькулятором. Образовывался большой наплыв народу с рудников. Приезжали провожать в армию и на фронт... целыми семьями.

После окончания 10-го класса я поехала в Якутск и поступила в пединститут на физико-математический факультет. Так я стала учителем, преподавателем математики. После окончания института была направлена на работу в Алданский край на прииск Улахан Чагдинского р-на. Там я проработала четыре года – два на прииске и два года в районном центре Чагда, или Учур. ...В школу на занятия я ходила в чужих валенках первое время, когда девочки с первой смены придут и мне дадут валенки. Потом директор выписала мне сапоги кирзовые. Но на прииск поступала только спецодежда для старателей, и размеры были от 40 и больше. В магазинах после войны из одежды ничего не было. Это же были 1946–1947 годы. Потом я купила...». На этом месте из тетрадки неизвестно кем и когда вырваны две страницы. Заканчивается и повествование о горьких, а порой и радостных днях жизни бывших «кулаков». К сожалению, мы не знаем, что стало с родителями Лидии, но сама она, выйдя замуж за такого же спецпереселенца, сироту Мансура, родила двух сыновей, всю жизнь проработала в школе, в том числе последние годы – в г. Иркутске: «Я считаю, что жизнь мы прожили не зря, оставили след после себя, не уронили чести, оставив ее незапятнанной на протяжении всей жизни. Оставили потомство, своих сыновей и внуков, и я уверена, что внуки все с достоинством пройдут по жизни, сохранив свою честь незапятнанной. Жизнь моя прошла в трудные, суровые годы, и все-таки хочу назвать свою судьбу счастливой».

Таким образом, воспоминания очевидцев событий свидетельствуют о том, что форсированная коллективизация крестьянских хозяйств в Иркутской области, так же как и по всей стране, была проведена насильственными методами. Раскулачивание осуществлялось с применением экономических, репрессивных и других мер к тем, кто не хотел вступать в колхозы. История выселения крестьян, объявленных кулаками, свидетельствует о четко спланированной акции по ликвидации потенциальных «врагов советской власти» и получению дешевой рабочей силы. По мнению С. А. Красильникова, депортация крестьянства не была прописана в карательном законодательстве. Она являлась экстраординарной мерой – ссылкой, носившей семейный характер, в соединении с принудительным трудом [5, с. 288, 291].

Как считают многие ученые, насильственная коллективизация и раскулачивание – трагедия отечественного крестьянства, глобально повлиявшая на весь последующий период нашей истории. Эти процессы объясняются необходимостью модернизационного «рывка». Правда, за это крестьянские семьи заплатили слишком высокую цену. Семья автора воспоминаний смогла выжить в трудных условиях только благодаря тому, что они были все вместе, приученные к тяжелому крестьянскому труду, поддерживали и помогали друг другу. Слово «семья» стало для них не пустым звуком.

Список литературы

1. Зеленин И. Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 28–42.

2. Земсков В. Н. Спецпереселенцы в СССР. 1930–1960. М. : Наука, 2005. 306 с.
3. Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М. : Магистр, 1966. 288 с.
4. Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М. : РОССПЭН, 2003. 288 с.
5. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / отв. ред. С. А. Красильников. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2004. 456 с.
6. Папков С. А. Сталинский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1977. 272 с.
7. Соколов А. К. Социальная история: проблемы методологии и источниковедения // Проблемы источниковедения и историографии: материалы II Науч. чт. памяти акад. И. Д. Ковальченко. М. : РОССПЭН, 2000. С. 75–87.

References

1. Zelenin I.E. “Revoluciya sverxu”: zavershenie i tragicheskie posledstviya [“Revolution from above”: completion and tragic consequences]. *Voprosy istorii* [History issues], 1994, no. 10, pp. 28–42. (in Russian)
2. Zemskov V.N. *Speczpereselency v SSSR. 1930-1960* [Special settlers in the USSR. 1930-1960]. Moscow, Nauka Publ., 2005, 306 p. (in Russian)
3. Ivniczkij N.A. *Kollektivizaciya i raskulachivanie (nachalo 30-x godov)* [Collectivization and dekulakization (early 1930s)]. Moscow, Magister publishing house, 1966, 288 p. (in Russian)
4. Krasil'nikov S.A. *Serp i Molox. Krest'janskaya sсыlka v Zapadnoj Sibiri v 1930-e gody* [Sickle and Moloch. Peasant exile in Western Siberia in the 1930s.]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003, 288 p. (in Russian)
5. *Marginaly v sociume. Marginaly kak socium. Sibir (1920-1930-e gody)* [Marginals in society. Marginals as society. Siberia (1920-1930s)]. Ed. by S.A. Krasilnikov. Novosibirsk, Siberian Hronograf Publ., 2004, 453 p. (in Russian)
6. Papkov S. A. *Stalinskij terror v Sibiri. 1928-1941* [Stalin's Terror in Siberia. 1928-1941]. Novosibirsk : Siberian Branch RAS Publ., 1977, 272 p. (in Russian)
7. Sokolov A.K. Socialnaya istoriya: problemy metodologii i istochnikovedeniya [Social history: problems of methodology and source studies]. *Problemy istochnikovedeniya i istoriografii* [Problems of source studies and historiography]. Materials of the 2nd Scientific Readings in Memory of Academician I.D. Kovalchenko. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, pp. 75-87. (in Russian)

Сведения об авторах

Занданова Лариса Викторовна
 доктор исторических наук, профессор,
 кафедра истории и методики
 Иркутский государственный университет
 Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
 ул. К. Маркса, 1
 e-mail: zandanova@mail.ru

Кулакова Яна Викторовна
 кандидат исторических наук,
 кафедра истории и методики
 Иркутский государственный университет
 Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
 ул. К. Маркса, 1
 e-mail: yanikk1989@mail.ru

Information about the authors

Zandanova Larisa Viktorovna
 Doctor of Sciences (History), Professor,
 Department of History and Methodology
 Irkutsk State University
 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
 Russian Federation
 e-mail: zandanova@mail.ru

Kulakova Yana Viktorovna
 Candidate of Historical Sciences,
 Department of History and Methodology
 Irkutsk State University
 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
 Russian Federation
 e-mail: yanikk1989@mail.ru

Статья поступила в редакцию **07.12.2025**; одобрена после рецензирования **17.01.2026**; принята к публикации **15.04.2026**
 The article was submitted **December, 07, 2025**; approved after reviewing **January, 17, 2026**; accepted for publication **April, 15, 2026**